

УДК 316.1:316.722

ПОНЯТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В НАУЧНЫХ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПОВСЕДНЕВНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В УКРАИНЕ

Кононов Илья Федорович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Старобельск), 1, пл. Гоголя, г. Старобельск, 92703, Луганская обл., Украина, e-mail: kononov_if@ukr.net, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-9253-6261>

Ilya Kononov – Head of the Department of Philosophy and Sociology, Doctor of Sociology, Lugansk National Taras Shevchenko University, 1, pl. Gogol, Starobelsk, Lugansk region, 92703, Ukraine, e-mail: kononov_if@ukr.net, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-9253-6261>

У статті здійснено аналіз поняття «цивілізація» в контексті сучасної мови соціології. Показано, що на цей момент дане поняття не відрізняється чіткістю свого концепту. Його історія зумовила збереження в його складі ідеї лінійного прогресу з властивими йому етапами та ідеї окремих культурних ареалів. Діалектична напруженість між універсалізмом та партикуляризмом у концепті цивілізації поки що не стала стимулом для розвитку теорії цивілізації. Наукова програма цивілізаційного підходу є міжпредметною. В ній переважає філософський дискурс. Недостатнє соціологічне опрацювання концепту цивілізації робить його малопродуктивним у наукових дослідженнях та суспільній практиці. В умовах міжнародних криз і воєн цивілізаційний підхід перетворюється в транслятора ідеологічних впливів на соціологію. В Україні цивілізаційний підхід переважно використовується зараз у варіантах цивілізаційної війни і цивілізаційного вибору. Він не знаходить підтримки в масовій свідомості і не може бути чинником мобілізації населення задля протистояння супротивнику.

Ключові слова: цивілізація, цивілізаційний підхід, цивілізаційна війна, цивілізаційний вибір, М. Данилевський, С. Гантінгтон, Захід, Україна, Росія, Донбас.

The article analyzes the concept of «civilization» in the context of the modern sociological language. It is shown that at the moment this concept has the lack of clarity of its content. Its history has led to the preservation in it the idea of linear progress with its characteristic steps and idea of different cultural areas. The dialectical tension between universalism and particularism in the concept of civilization has not yet become a stimulus for the development of the theory of civilization. The scientific program of the civilization approach is interdisciplinary and philosophical discourse prevails in it. The hard core of the program demonstrates the inability to development. The history of the study of civilizations is a series of author's visions of reality. There is no repeatability of the results and no falsification of the fundamental thesis of the civilizational approach. The peripheral moments of scientific program of the civilization approach vary depending on the political predilections of scientists and specific circumstances. Most of the forecasts made by supporters of the civilizational approach have not been confirmed in the course of historical development. Insufficient sociological elaboration of the concept of civilization makes it unproductive in scientific research and in public practice. At moments of international crises and wars the civilizational approach turns into a translator of ideological influences on sociology. This is demonstrated by the basic texts of Nikolai Danilevsky and Samuel Huntington. In the geopolitics of large countries, the civilizational approach justifies their right to dominate in some part of the globe. Elites of small countries use it to substantiate the choice of an external patron and to join certain unions. In Ukraine, at present, the civilizational approach is mainly used in the options of civilizational war and civilizational choice. As empirical studies show, it does not find support in the mass consciousness and can not serve the purposes of mobilizing the population to confront the enemy.

Keywords: civilization, civilizational approach, civilizational war, civilizational choice, N. Danilevsky, S. Huntington, West, Ukraine, Russia, Donbass

Понятие «цивилизация» в нашем обществе за последние четыре года вошло в число наиболее идеологически нагруженных. Актуальность рассмотрения его в контексте языка современной социологии имеет два аспекта. Во-первых, за его «возвышением» скрывается некое социальное явление, для коего «цивилизация» – это лозунг, этикетка, das Schlagwort. В этом смысле у нас на самом высшем государственном уровне говорят о цивилизационном выборе. Так, Президент Украины Петр Порошенко утверждает, что князь Владимир уже совершал подобный выбор, а современная Украина продолжает его дело. В своем выступлении перед Всеукраинским советом церквей он прямо сказал: «Это был не только

религиозный, не только политический или культурный выбор, но выбор цивилизационный, европейский» [1]. В рамках цивилизационного подхода и цивилизационного выбора украинские авторы объясняют и российско-украинский военный конфликт на Донбассе. Философ Александр Еременко считает, что этот выбор между Россией и Западом суть выбор между доминированием имперского государства или гражданского общества. С его позиции, «это ситуация судьбоносного выбора на века – выбора между благой и злой жизнью» [2, с. 46]. Наиболее последовательно взгляд на российско-украинскую войну как на войну цивилизаций проводит социолог Игорь Руценко. Он пишет следующее: «Так кто и за что воюет на Востоке Украины? С точки зрения цивилизационного подхода, который мы превратили в теоретическое объяснение текущих исторических событий, воюющие стороны можно определить так: европейско-ориентированные украинцы и русские по линии цивилизационного разлома ведут войну с московско-ордынскоориентированными русскими и украинцами. И это война носит экзистенциальный характер, ибо на кону «быть или не быть» Украине частью европейской цивилизации» [3]. Харьковский социолог рассматривает события на Донбассе как значимый эпизод четвертой мировой войны, в которой сошлись объединенный Запад и то, что он определяет как «Ось Зла», в которую включает Россию, Северную Корею и ИГИЛ. Украина в таком раскладе выглядит передовым бастионом Европы: «Российско-украинская война, таким образом, выглядит как часть мирового противостояния не-западных и западной цивилизации. Судьба Европы находится в руках самих европейцев. Новоявленные «варвары» решили, что старая цивилизация достаточно одряхлела для того, чтобы быть расколотой и растоптанной» [3]. Данный вывод Игорь Руценко считает настолько важным, что на его основе предлагает развитым странам милитаризировать экономики и даже ограничить демократические свободы: «Пора западным странам переходить к милитаризации экономик и учиться противостоять гибридным угрозам: пропаганде, военному шантажу, подрывным спецоперациям на собственной территории, терроризму, кибер-атакам и т.п. Необходима более жесткая изоляция «Оси Зла», важно использовать главное преимущество США и Европы – превосходство в экономике. Логика событий диктует такой болезненный, но нужный шаг, как временная ревизия демократических свобод. Запад столкнулся с цивилизациями, плюющими на демократию, но умеющими использовать свободы, права человека в западных странах в целях агрессии» [3].

Попутно замечу, что идеологический цивилизационный дискурс в Украине является ответом на подобный дискурс в современной Российской Федерации. Там идея России как особой цивилизации повлияла на проводимую внешнюю политику [4, с. 355]. Классиком этого идейного движения является Вадим Цымбурский. Он считал, что идея универсализма западной цивилизации для России чревата страшными опасностями: «... Надо признать, что при желании любой ценой закрепиться на окраине «мировой цивилизации» перед Россией встает выбор между двумя путями: путем компрадорским и путем фашистским» [5, с. 39]. Этот теоретик сформулировал идею-образ «острова России», которая должна бы сориентировать энергию страны вовнутрь. Правда, остров окружают лимитрофы, т.е. пограничные территории, не имеющие однозначной цивилизационной принадлежности. За них и ведется борьба, ибо «на этих пространствах никогда не было твердых пределов для России, но не было и границ, навек закрепленных за нею» [6]. Российский геополитик ориентировал государство нацелить усилия на контроль юго-восточных лимитрофов («территорий-проливов», как он их образно определял): «...Положение России диктует ей дифференцированный подход к проблемам международной стабильности: ей жизненно необходима стабильность на вторичных, среднеазиатских «территориях-проливах», мало интересующих мировое цивилизованное сообщество. А в то же время оптимальным вариантом для Российского государства применительно к очень заботящей это сообщество Восточной Европе оказывается смирение перед её самопроизвольной «третьемиризацией»» [6]. Но это, как видно, рекомендация *ad hoc*. Поэтому установку контроля лимитрофов можно обернуть и против Украины, и против Беларуси. Тем более, что решения принимали не интеллектуалы уровня Цымбурского, а члены большой ОПГ, которой по сути является верхушка политического класса РФ [7].

Идеологические цивилизационные дискурсы как Украины, так и России ориентированы не столько на политические классы, сколько на массовое сознание своих граждан и призваны сформировать у населения чувство «цивилизационной идентичности» [8, с. 144], или же попросту объяснить, почему «мы – не они». Чаще всего именно в таком виде цивилизационные идеи и соприкасаются с повседневными дискурсивными практиками.

Второй аспект *актуальности* цивилизационного дискурса для социологии является внутринаучным. Он связан с непрекращающимся поиском универсальной теоретической модели, которая позволила бы объединить мега-, макро-, мезо- и микроуровни социальной жизни. Социология должна одним языком описать структуры и процессы, системность, целостность общества и автономия отдельных институциональных подсистем. В связи с этим некоторые социологи еще в 1970-е годы обратили внимание на возможность социологической интерпретации понятия «цивилизация» и цивилизационного подхода в целом. Сторонники подобной перспективы развития социологической теории даже называют её «цивилизационным поворотом». Лидером и признанным классиком этого

движения был Шмуэль Айзенштадт. Он показал применимость цивилизационного анализа при изучении великих революций [9]. Руслан Браславский пишет: «Цивилизационный поворот в социологии в 1970-е гг. был направлен на критику и пересмотр всех базовых составляющих так называемого «ортодоксального консенсуса» в социологии, сложившегося в первые два десятилетия после Второй мировой войны. В числе основных компонентов ортодоксального консенсуса входили: 1) структурный функционализм, 2) социальный эволюционизм, 3) «методологический национализм», 4) «исторический оптимизм», 5) методологический сциентизм, 6) социальный технократизм. Весь этот комплекс идей нашел свое наиболее полное воплощение в социологии «модерного общества» и «модернизации»» [10, с. 40 – 41]. По мнению этого автора, цивилизационный подход позволяет избежать ловушек линейной модернизации и рассматривать модернизацию как рефлексивный процесс. Тем самым он способствует подъему исторической социологии. Это связано с тем, что «базовыми принципами цивилизационной перспективы в социологии стали *автономия культуры и историческая контингентность*» [10, с. 34].

Впрочем, не будем верить на слово стороннику одного подхода. Подъем исторической социологии в мире связан и с иными направлениями развития социологической мысли. В первую очередь, следует упомянуть о новом варианте исторического материализма в США, связанного с такими именами, как Иммануил Валлерстайн, Теда Скочпол, Чарльз Тилли, Перри Андерсон и многие др. [11, с. 298-375]. Цивилизационный подход, как в мире в целом, так и в Украине, приобрел популярность в связи с идеологическим давлением на общественные науки.

Литература по проблеме цивилизации, о конкретных цивилизациях, о цивилизационном подходе и цивилизационном анализе воистину безгранична. Основополагающими текстами являются «Россия и Европа» Николая Данилевского [12], «Закат Европы» Освальда Шпенглера [13; 14], «Постижение истории» Арнольда Тойнби [15] и «Столкновение цивилизаций» Самюэля Хантингтона [16]. Конечно, в России к этому перечню обязательно добавили бы «Византизм и славянство» Константина Леонтьева [17]. В США назвали бы Кэрролла Куигли [18; 19], во Франции – Фернана Броделя [20]. В Украине, особенно в радикальных кругах, в связи с проблемой «цивилизационного выбора» часто вспоминают Дмитрия Донцова [21; 22]. Игорь Рущенко пишет, что Д. Донцов оказался более прозорливым в своих прогнозах развития отношений России и Украины, нежели С. Хантингтон: «Американский ученый ошибался, и это подтвердила российско-украинская война, которая началась в 2014 г. И здесь более правым оказался Д. Донцов: фронт разделил Украину, но совсем по другим линиям, которые больше относятся к карте этнического расселения украинцев» [23, с. 425]. На последнее следует обратить особое внимание. Здесь цивилизационный анализ ставится на службу националистическим идеям, что ведет к подчинению научного в нем идеологическому.

Современная литература по цивилизационной проблематике балансирует между предельной абстрактностью и приземленным эмпиризмом исследований идентичностей [24; 25; 26]. Редким исключением является исследование украинского социального психолога Александра Дроздова массового геополитического сознания, сочетающее метатеоретический, теоретический и эмпирический уровни проблемы [27].

Цель данной статьи - выявить движение теоретической мысли в исследовании цивилизаций с точки зрения прогрессивного сдвига проблемы. Такой сдвиг в понимании И. Лакатоса должен обеспечивать переход от одной научной программы к другой, дающей более глубокое знание о предметной области, обеспечивающей её описание более развитым языком [28]. Представления теоретиков мы сопоставим с бытующими в массовом сознании наших сограждан взглядами на позиционирование Украины в мировом контексте.

Для анализа теоретической мысли на предмет обнаружения прогрессивного сдвига проблематики нами будут проанализированы уже названные работы Н. Я. Данилевского и С. Хантингтона. Первая работа является базовой в длительной истории цивилизационных исследований, вторая – задающая их современный уровень. При этом упомянутые работы характеризуются социологичностью, а их терминология вписывается в язык социологии.

Данные, которые будут использоваться для характеристики ориентации массового сознания в цивилизационной проблематике, были получены научным коллективом кафедры философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко¹ в ходе реализации проекта «Массовое сознание в зоне военного конфликта на Донбассе» (номер госрегистрации 0116U004150). Проект поддерживается грантом Министерства образования и науки Украины.

В ходе исследования методом стандартизированного интервью было проведено четыре замера состояния массового сознания на севере Луганской области (декабрь 2016 г., март 2017 г., февраль и май 2018 г.). Выборочная совокупность каждой волны исследования – 200 человек. Соотношение респондентов по полу, возрасту и месту жительства по всем четырем выборкам было примерно

¹ В 2014 г. эвакуирован в г. Старобельск

одинаковим: 51% женщин и 49% мужчин; почти треть опрошенных – люди в возрасте до 30 лет, треть опрошенных – люди в возрасте 31-49 лет; чуть больше трети опрошенных – люди в возрасте 50 лет и старше; городские жители – 38%, поселков городского типа – около 22%, сельские жители – чуть больше 40%. Точки опроса представляли всю свободную территорию севера Луганской области.

Вопросы анкеты, имеющие отношение к цивилизационной проблематике, сформулировали профессор И. П. Рущенко и автор этих строк.

Особенность опроса состояла в том, что он проводился в доверительных группах. Интервьюеры до опроса установили доверительные отношения с респондентами. У каждого интервьюера (ими выступали студенты-социологи ЛНУ имени Тараса Шевченко) была группа из 5 респондентов. Опросы проводились индивидуально по месту жительства каждого из них.

Методика опроса в доверительных группах имеет как позитивные, так и негативные моменты. К первым относится доверие между интервьюерами и респондентами. Вторые связаны с малой величиной выборочной совокупности, что порождает нестабильность результатов [29, с. 37 - 38]

Цивилизация на пересечении дискурсов

Николай Данилевский

Эмиль Бенвенист установил, что понятие «цивилизация» было введено в научный и публицистический оборот независимо друг от друга французом маркизом де Мирабо и шотландцем Адамом Фергюсоном (первый его употребил в 1756 г., а второй – в 1767 г.). Концепты понятия у обоих авторов были схожими. Мирабо его увязывал с особым уровнем культуры, а Фергюсон – с прогрессивным движением от варварства к цивилизации [30, с. 387 - 389]. Современные авторы обоснованно связывают с этим терминологическим нововведением серьезное изменение в самой оптике видения общества. Р. Браславский пишет: «...Понятие «цивилизация» задавало новую концептуальную конфигурацию, состоящую из трех главных компонентов: государство, гражданское общество, культура. <...> Сохранив релевантность сфере «политического», понятие цивилизации сместило акценты на «культуру» (понимаемую как духовное творчество) и «гражданское общество» (концептуализируемое как моральное и дискурсивно-коммуникативное сообщество)» [10, с. 38].

Эпистемологическая революция, совершенная просветителями, элементом которой стало и понятие «цивилизация», не только открыла дорогу идее прогресса, но и позволила разделить все народы на цивилизованные и нецивилизированные или получивилизованные. Тем самым закреплялся европоцентрический взгляд на историю человечества, оправдывался колониализм как «бремя белого человека». Идея линейного прогресса стала методологической основой понимания модернизации как вестернизации, как воспроизводства западных институтов по всему миру. И сейчас концепт понятия «цивилизация» включает сравнительный аспект, отделяя цивилизованное состояние от первобытного и варварского. Цивилизация рассматривается как такое состояние общественной жизни, которому присущи города, государство, право, высокая письменная культура. Однако ныне эти концептуальные аспекты не формируют основного содержания понятия «цивилизация».

Фундаментальные идеи современного понимания цивилизационной проблематики сформировались в русской культуре XIX века. Стимулом для этого была борьба славянофилов и западников. Осмысливая ситуацию догоняющей модернизации, славянофилы отрицали универсальность западного опыта, с романтических позиций критиковали капитализм [31]. Результатом этого движения стало представление о том, что человечество состоит из оригинальных культурных организмов. Абсолютно четко это было изложено Иваном Киреевским в статье «О характере просвещения Европы в его отношении к просвещению России», опубликованной в 1852 в «Московском сборнике» [32]. В концепцию всемирного значения идею цивилизации превратил панславист Николай Данилевский. Его основной труд «Россия и Европа» в 1869 г. печатался в журнале «Заря», а в 1871 году вышел отдельной книгой.

Понятие «цивилизация» у Н. Данилевского является узлом на пересечении нескольких дискурсов, которое сводит их в некий фокус и гармонизирует, задавая общую перспективу. В этом плане эпистемология рассматриваемого понятия отлична от эпистемологических характеристик центрального понятия одного дискурса, где понятия образуют сеть обуславливающих друг друга элементов [33, с. 57].

На примере «России и Европы» Н. Данилевского мы можем убедиться, что в реальном развитии общественного сознания несколько дискурсов сплетаются в неких важных точках, которые становятся междискурсивными узлами. Возможно, именно с подобными узлами связаны порождающие грамматики общественного сознания конкретное общество в определенный период его развития [34, с. 77].

Попытаемся выделить эти дискурсы, сходящиеся в «России и Европе» к узлу «цивилизация».

Дискурс 1. Он может быть определен как дискурс текущей политики под знаком травмы Крымской войны. Н. Данилевский фиксирует двойные стандарты использования Западом норм международного права. Исходя из этого, он делает вывод о сущностной враждебности Европы к России и славянам вообще.

«Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для неё простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т.д. – материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему, как прежде было надеялись, как особливо надеялись немцы, которые, несмотря на препрославленный космополитизм, только от единой спасительной германской цивилизации чают спасения мира. Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало» [12, с. 65-66]. Именно это обстоятельство порождает европейское двоедушие, двойные стандарты. В рамках этого дискурса Н. Данилевский мыслит и Европу в целом, и отдельные её страны как некие персональные сущности и не вдаётся в анализ социальных структур или политических систем. По его мнению, Крымская война показала, что вражда к России объединяет как правящие классы Европы, так и европейское общественное мнение: «Это не какая-нибудь случайность, не журналистская выходка, не задор какой-нибудь партии, а коллективное дипломатическое действие всей Европы, то есть такое обнаружение общего настроения, которое менее всякого другого подвержено влиянию страсти, необдуманного мгновенного увлечения» [12, с. 14]. В этом дискурсе, который осуществляется на уровне здравого смысла, у Н. Данилевского рождается вопрос: почему Запад враждебен России? Он и становится главной проблемой книги.

Дискурс 2 посвящен геополитике России в прошлом, настоящем и будущем. Н. Данилевский считал, что Россия не является частью европейской политической системы, которая построена на равновесии. «Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой» [12, с. 76]. Уже своим размером Россия европейское равновесие нарушает. Все попытки российских политиков играть по европейским правилам вели к тому, что Россию просто использовали. «Именно равновесие политических сил Европы вредно, даже губительно для России, а нарушение его с чьей бы то ни было стороны – выгодно и благодетельно» [12, с. 534]. Для выработки новой геополитической программы необходим более широкий взгляд на Россию в контексте мировой истории.

Русский геополитик утверждает, что многие европейские проблемы для России чужды. Энергия страны должна быть направлена на решение важнейшего для неё Восточного вопроса. Этот вопрос Н. Данилевский понимал не просто как освобождение южных славян и греков от османского ига. В его книге Восточный вопрос приобретает значение одного из узловых в мировой истории. По его мнению, он затрагивает Турцию и Австрию. Теоретик не останавливается перед тем, что объявляет названные страны политическими трупами, гальванизируемыми Западом [12, с. 401]. Реальное содержание Восточного вопроса, по мнению Н. Данилевского, – борьба России с Западом, который мешает созданию Всеславянской федерации, в которой гегемоном («солнцем»), должна стать Россия [12, с. 475]. В этих координатах понимания реальная борьба ведется за или против становления самобытного мира, второй, параллельной Европы, которая в перспективе должна превзойти первую [12, с. 366].

Славянская федерация – не изобретение Н. Данилевского. Это была одна из программных целей Кирилло-Мефодиевского братства [35; 36]. Но его членами эта федерация мыслилась как объединение республик, одной из которых должна была стать Украина.

Н. Данилевский не покушался на целостность Российской империи. Русских, украинцев и белорусов он считал ветвями одного народа. Украинцев в пределах Российской империи называл малороссами, а в Галичине – «галицкими русскими» [12, с. 426]. Эти взгляды, которые в то время фактически были официальными, в наши дни подхвачены В. Путиным и его идеологами. Ретроспективно это обстоятельство бросает тень и на Н. Данилевского, давая основания объявить его украинофобом. Однако, будучи противником отделения Украины, он субъективно к украинофобам не принадлежал. Именно он способствовал освобождению Т. Шевченко от солдатской службы и определению его в экспедицию Карла Бэра, участником которой был сам Н. Данилевский. Ученый и поэт подружились. Известны слова Тараса Шевченко из письма Брониславу Залескому: «...Такое явление, как Данилевский ... может вскружить и не мою голову. В продолжении его пребывания здесь я почти с ним не разлучался» [37, с. 721]. И дело не только в этих личных обстоятельствах. В своей книге он отмечает плодотворность взаимодействия русского и украинского начал в культуре Российской империи [12, с. 610]. В прочности же этого политического образования он был настолько уверен, что заявлял о том, что в обозримой перспективе в России не будет революций и смены династии [12, с. 586].

Освобожденные славяне должны, по Н. Данилевскому, создать свои государства, независимость которых будет гарантировать Россия. Лишь такое равноправное взаимодействие славянских государств должно было привести к формированию 11-й мировой цивилизации.

Согласно проекту Н. Данилевского, геополитические интересы России смещались на юг, на Балканы, за пределы собственных границ. Столицей Всеславянской федерации предполагалось сделать Константинополь – Царьград. Для выполнения этой роли ему предполагалось дать особый административный статус, что-то наподобие Washington, DC [12, с. 461- 462]. Как это должно было

сочетаться с гегемонией России и с суверенитетом новых государств, из текста непонятно. Поэтому данное построение можно рассматривать как геополитическую утопию.

Правда, геополитические утопии могут долго сохранять вдохновляющую силу. И социалистический лагерь в Европе в какой-то мере был почти федерацией по Данилевскому.

Следует отметить грубость и оскорбительность геополитического языка Н. Данилевского. Так, Польшу он характеризует как отщепенку и извратительницу славянства [12, с. 376]. Польскому народу предписывалось культурное лечение и возвращение в православие. Венгров русский геополитик без обиняков называет «народцем» [12, с. 421]. Он утверждает, что неславянские народы, живущие между славянами, должны войти в предполагаемую федерацию и постепенно ославяниться [12, с. 436-437].

Видимо, сформулированные Н. Данилевским химерические геополитические цели влияли и влияют на политический процесс и мешают правящему классу России выработать реалистическое видение своего положения в мире. Российские академические геополитики тоже зависимы в своем мышлении от схем Н. Данилевского. Так, даже В. Цымбурский, стараясь отвлечь внешнеполитические империалистические искусства, катастрофические для России, тем не менее образ острова нашел у Данилевского [12, с. 71].

Дискурс 3 хотелось бы назвать научным, но это название будет неточным. У Н. Данилевского наука подчинена вненаучным целям. Поэтому определим данный дискурс как дискурс научной аргументации. Он в «России и Европе» присутствует в естественнонаучной и социологической разновидностях. Н. Данилевского глубоко интересовали методологические вопросы научного познания. Он даже выделил общие этапы развития любой науки (этап собирания фактов, этап искусственных систем, этап перехода к естественным системам и открытия закономерностей в изучаемой предметной области, этап создания естественных систем). Ученый знал различие эмпирического и теоретического познания [12, с. 195].

Н. Данилевский предложил свою систему наук. К теоретическим наукам он отнес те, которые изучают общие мировые сущности (материю, движение и сознание). Остальные науки исследуют разнообразные формы, в которые воплощаются эти сущности. Формы природных объектов обуславливаются морфологическим принципом, который является идеальным началом в природе. Науки теоретические (физика, химия, психология) должны открывать законы, а науки частные ограничиваются сравнительным исследованием своих объектов [12, с. 193].

Будучи ихтиологом, Н. Данилевский из биологии заимствует представление о разделности, отделенности существования и развития царств живого, отрядов, классов и видов. Правда, эволюционная теория показывала историческую и биосферную взаимосвязь всего живого на Земле, но Данилевский был противником дарвинизма и много сил потратил на его опровержение [38]. Додарвиновские биологические представления он метафорически перенес на почву социологии. С этой точки зрения, идея цивилизации Н. Данилевского – это перенос линнеевской классификации живого на всемирную историю.

Парадокс в том, что на этой методологической платформе ученый совершает важный шаг, разводя вопросы об этапах развития общественной жизни и вопросы о типах развития [12, с. 106]. Он приходит к выводу, что во всемирной истории сосуществуют культурно-исторические типы, которые одновременно проходят разные стадии: «...Естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания её делений от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться» [12, с. 109]. В сущности, это все следует из метафоры живого, где сосуществуют особи разных возрастов, которые все, но в разное время, проходят путь от рождения до смерти [12, с. 92]. Такими всемирно историческими особями и являются цивилизации. Их совокупность Н. Данилевский характеризует следующим образом: «Эти культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке, суть: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитский, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический или арабийский и 10) германо-романский, или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американских типа – мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития. Только народы, составляющие эти культурно-исторические типы, были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключающееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены, и этим вносил свой вклад в общую сокровищницу» [12, с. 109-110]. Н. Данилевский отрицал интересы человечества и утверждал, что цивилизации задают высший горизонт для интересов индивидов: «Но что же такое интерес человечества? Кем сознается он, кроме одного Бога, которому, следовательно, только и принадлежит видение его дел? <...> Таким образом, если та группа, которой мы придаем название культурно-исторического типа, и не есть абсолютно высшая, то она, во всяком случае, высшая из всех тех, интересы которых могут быть сознательными для человека, и составляют, следовательно, последний предел, до которого может и

должно простираться подчинение низших интересов высшим, пожертвование частных целей общим» [12, с. 129].

Дискурс 4 – теологический. Теологические объяснения для Н. Данилевского являлись важнейшими. Он верил в Провидение в мировой истории. Например, для него теологической загадкой представлялось появление ислама после христианства. Он находил ее разгадку в том, что через ислам была сдержана экспансия «католической ереси» [12, с. 380]. И в таком духе, опираясь на представление о Божьем замысле, он пытался понять все другие события и процессы в развитии общества. Многообразие цивилизаций – тоже часть этого замысла, ибо таким образом реализуются различные возможности развития и история приобретает полноту [12, с. 574-577].

Правда, истиной, которая уже открыта человечеству, Н. Данилевский называет православие. По отношению к нему все христианские конфессии – ереси. У всех народов поэтому один путь – вернуться к истине православия. Носителями православия он определил славян, в первую очередь русских, которые, наряду с евреями и греками, являются Богом избранными народами [12, с. 577].

Именно теологический дискурс является главным, когда Н. Данилевский утверждает непримиримую вражду между славянами и романо-германским миром. В целом же, по мнению автора «России и Европы», религия и язык являются определяющими элементами цивилизаций.

Дискурс 5 – философский. Общую философскую позицию Н. Данилевского определить сложно. Она выглядит как невероятное эклектическое соединение элементов, могущее быть определенным как теологический позитивизм. С одной стороны, отталкиваясь от эмпирических фактов, он утверждает несоответствие реальности любого универсализма. Человечество раздроблено на культурно-исторические типы: «Общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота» [12, с. 150-151]. Но, с другой стороны, он верит в Божий замысел относительно всего человечества.

Нужно признать, что Н. Данилевский был одним из первых глубоких критиков идеи прогресса. Ученый, видимо, усмотрел в ней потенциал насилия. Мы можем сказать, что он выявился в модернизационных проектах второй половины XX века. Прогресс в западном понимании – это требование для всех народов следовать по стопам европейцев. Кто на европейцев не похож, тот признается отсталым с последующими выводами о введении внешнего управления.

Такое понимание прогресса предполагает, что все должны смотреть на мир через «европейские очки» [12, с. 321]. Таким образом, Н. Данилевский зафиксировал явление, которое значительно позже Э. Саид определил через понятие «ориентализм» [39]. Это явление есть форма подчинения периферийных стран странам центра мировой капиталистической системы, формой семантического насилия. Оно выступает помехой для рефлексивной модернизации.

Н. Данилевский, критикуя линейное понимание прогресса, не скатывается в циклизм. Он развивает взгляд, согласно которому реальный прогресс осуществляется через разнообразные формы развития в разных цивилизациях. Прогресс и есть полнота реализации возможностей развития.

Интересна перекличка идей Н. Данилевского с идеями о всемирной истории Г. В. Ф. Гегеля. Прямых ссылок на работы немецкого философа в «России и Европе» нет. Но морфологический принцип Данилевского напоминает «тихого геометра» Гегеля. В принципе, видимо, общей первоосновой для них было учение о форме Аристотеля.

Н. Данилевский, безусловно, далек от картины шествия мирового духа с Востока через Грецию и Рим в Пруссию [40]. Но все цивилизации он разделил на подготовительные, одноосновные, двухосновные и грядущую славянскую четырехосновную. Как и у Гегеля, у Данилевского его политический проект представлен как венец всемирной истории.

Дискурс 6 можно определить как социологический. Хотя в современной России Н. Данилевского однозначно относят к числу социологов [41], но в жизни он был социологом среди прочего. Однако его концепция цивилизации без социологических аргументов не обошлась. Цивилизации он рассматривал как результаты закономерного исторического развития и сформулировал соответствующие исторические законы [12, с. 113- 114]. Он достаточно пронизательно критикует европоцентризм и связанные с ним предрассудки (размежевание Европы и Азии как неких духовно-географических сущностей, идея извечной борьбы между ними) [12, с. 71-74].

Н. Данилевский выделяет «разряды общественной деятельности»: религиозная, культурная, политическая и общественно-экономическая. Эти «разряды» он использует при сравнительном рассмотрении цивилизаций [12, с. 566-567]. При этом его мало интересуют социальные структуры и их динамика. Законы общественного развития он считает чисто духовными, разными для разных цивилизаций.

При описании общественных процессов Н. Данилевский пользовался преимущественно этнической терминологией. В его понимании, народы движутся путем от этнографических групп к государствам, а затем и к цивилизациям. Но далеко не все этот путь проходят до конца. Одни остаются на

этнографической стадии и превращаются в материал для более успешных, другие превращаются в разрушителей, «бичей Божьих», третьи же становятся самостоятельными культурными субъектами [12, с. 152-154].

Принцип народности Н. Данилевский применил при анализе науки, показав, что научные школы зависят от особенностей этнической жизни, хотя результаты науки в наибольшей мере могут передаваться от одной цивилизации к другой. Наиболее мощному влиянию принципа народности подвержены общественные науки [12, с. 162-163].

Дискурс 7 – идеологический – самый отталкивающий в тексте Н. Данилевского. В принципе, он укладывается в формулу: самодержавие, православие, народность. Но есть и существенные нюансы. Хотя дискурс в книге охранительный, но это не оголтелая охранительность. Н. Данилевский радуется освобождению крестьянства и судебной реформе, хотя и изображает эти процессы идиллически [12, с. 235]. Он считает ликвидацию крепостного права шагом к Всеславянской федерации, ведь иначе никто из славян с Россией не захочет иметь дело. Будучи гегемонистом, он высказывается против колониализма и империализма: «...Для величия и культурного значения славянских народов нужно, чтоб образ Славянского мира представлялся не в виде слияния славянских ручьев с русским морем, по выражению Пушкина, а в виде обширного океана с самобытными, хотя соединенными и соподчиненными частями, то есть морями и глубокими заливами» [12, с. 465].

Этим не исчерпываются все дискурсивные мыслеходы в работе Н. Данилевского. Большую роль у него играет нуднейшая историко-политическая фактография, но тут же он отдается эстетическому чувству. Оно ему часто изменяло, иначе бы он не так обильно цитировал стихи Алексея Хомякова. Он бы избегал слащавости, как в этом высказывании: «Самый характер русских, и вообще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую соответственность с христианским идеалом» [12, с. 577].

Работа Н. Данилевского прочно вошла в ткань культурного процесса своего времени. В романе Ф. Достоевского «Подрасток» герои дискутируют о проблемах цивилизационной определенности России, даже стреляются на этой почве. Один из героев романа, Версилов, произносит ставшие знаменитыми слова: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия; каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же точно была отечеством нашим, как и Россия» [42, с. 398]. Через горячие дискуссии идея цивилизаций, особенно сравнение России и Запада, постоянно присутствовала в русской культуре. В повести Алексея Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» белогвардейцы, бегущие из Одессы, и уповают на Запад, и ожидают от европейцев всяческих пакостей [43, с. 161]. Даже в советское время, когда работы Н. Данилевского не переиздавались, его идея гниения Запада вошла в советский идеологический комплекс. Полемичность, многосложность, откровенность сделали книгу Н. Данилевского известной на Западе, что способствовало формированию цивилизационного идейного движения.

Самюэль Хантингтон

Американский политический теоретик С. Хантингтон на рубеже XX – XXI веков стал одним из наиболее читаемых авторов в мире. Его статья «Столкновение цивилизаций?» (1993 г.) [44], написанная как полемический ответ на эссе Френсиса Фукуямы «Конец истории» [45], стала мировым бестселлером и была переведена практически на все основные языки. В мире, который на тот момент утратил привычные контуры, она обещала ясность понимания происходящего. Отвечая на ожидания, автор через 3 года издал большую книгу с тем же названием, что и статья, но уже без знака вопроса. Это произведение, которое идейно не сильно отличалось от статьи, но приобрело внушительные размеры за счет описания фактов, цитат и графиков, тоже ожидал громкий успех. Оно и через 20 с лишним лет сохраняет свою актуальность, представляя передний уровень цивилизационных исследований.

С. Хантингтон написал свою книгу с опорой на все сделанное в области изучения цивилизаций. Он ссылается на работы О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя, К. Куигли и многих других. Знает он, естественно, и работу Н. Данилевского, но по обычаю западных авторов упоминает русского мыслителя бегло в середине текста [16, с. 214]. Между тем структурирование предметного поля исследования С. Хантингтоном достаточно близко к тому, какое заложил Н. Данилевский. У американского автора это только облегченная светская и прагматическая его версия. Совпадения у Хантингтона с Данилевским простирается до таких тем, как «загнивание Запада» [16, с. 499] и необходимость доминирования одной страны в цивилизационной системе, долженствующего обеспечить порядок в ней [16, с. 240]. Русский геополитик вполне согласился бы с такими выводами американского коллеги: «Западный универсализм опасен для мира, потому что может привести к крупной межцивилизационной войне между стержневыми государствами, и он опасен для Запада, потому что может привести к поражению Запада» [16, с. 512]. Не вызвал бы между ними расхождений и следующий вывод: «Запад – единственная из цивилизаций, которая оказала огромный и временами разрушающий эффект на все остальные цивилизации» [16, с. 281].

«Столкновение цивилизаций» дискурсивно беднее в сравнении с «Россией и Европой». Хантингтоновское сочинение в сущности преследует прикладные геополитические цели – найти модель

мирового порядку после крушения трехчленного двухполюсного мира. Этот мир к тому же пережил крах больших идеологических нарративов. США вышли победителем из «холодной войны», но их положение в новом мире стало проблемным. Поэтому С. Хантингтон стремился обосновать линию поведения США и вообще большого Запада, которая бы замедлила ослабление западных стран и обеспечила им на долгое время преобладание в новом мировом порядке.

В тексте «Столкновения цивилизаций» три ведущих дискурса, которые сходятся в понятии «цивилизация». *Первый из них* касается актуальной геополитики. Он исходит из того, что после крушения СССР и социалистической системы, после прекращения противостояния двух мировых блоков международные отношения пришли в хаотическое состояние. Хаотизация мировой системы совпала с ослаблением Запада вследствие вступления его в нисходящую траекторию цивилизационного развития.

С. Хантингтон всеми силами противодействовал радостному ликованию от победы либерального капитализма, идее «конца истории», которая предполагала, что после либерального капитализма уже ничего не будет, что он как венец и завершение исчерпал движение мировой истории. Американский теоретик показывал нарастание потенциала конфликтности в мире, но связал его с различием культур.

С. Хантингтон давал достаточно двусмысленные советы элитам Запада: препятствовать распространению высоких технологий, создавать образ врага для собственного населения, практиковать гонку вооружений и наращивать военную мощь [16, с. 125-126].

Как циничный прагматик С. Хантингтон спокойно обсуждал возможные варианты распада Украины или вероятность её войны с Россией [16, с. 255-259]. Даже геноцид он упоминает как один из вариантов разрешения конфликта по линии соприкосновения цивилизаций. Он, конечно, геноцид не пропагандировал и не советовал как актуальную политику, но упоминал как бы между прочим [16, с. 432-433].

Перспективный дискурс в работе С. Хантингтона базируется на выводе о доминировании в современном мире культурных идентичностей. Они присущи индивидам, странам и цивилизациям. Цивилизации выступают их самым высоким уровнем. Культурные идентичности рассматривались им не как соотносительные конструкции, производящиеся коллективными действиями, а как некие психологические, ментальные диспозиции [16, с. 51].

Предположение о мировой системе, построенной на основе цивилизаций, у С. Хантингтона выглядит как инверсия актуального для него состояния мировой системы. Эта проектная конструкция разбивала мир на блоки, между которыми будут постоянно тлеть неразрешимые ценностные конфликты. Каждая цивилизация – это сфера доминирования ведущей страны [16, с. 239 - 240]. Американский мыслитель был уверен, что такой мировой порядок будет наименее опасным. К тому же он создал образ врага, который должен был смягчить взаимоотношения между цивилизациями, даже объединить их усилия. Таким врагом он называл новое варварство, проявлениями, которого выступают во всем мире преступность, наркомания, аморализм [16, с. 531]. Общий враг способен в определенной степени объединить раздробленное человечество. Это главный стимул, ведь «человеку свойственно ненавидеть» [16, с. 193]. Через общую угрозу и общую ненависть вырисовывается наконец-то желанный мировой порядок: «В более масштабном столкновении, глобальном «настоящем столкновении» между Цивилизацией и варварством, великие мировые цивилизации, обогащенные своими достижениями в религии, искусстве, литературе, философии, науке, технологии, морали и сочувствии, также должны держаться вместе, или же они погибнут поодиночке. В нарождающейся эпохе столкновения цивилизаций представляют величайшую угрозу миру во всем мире, и международный порядок, основанный на цивилизациях, является самой надежной мерой предупреждения мировой войны» [16, с. 532].

С. Хантингтон об этом прямо не говорит, но из всего сказанного им, возникает сомнение, что все цивилизации смогут вступить в союз против нового варварства. Одна цивилизация явно оказывается под сомнением – исламская, у которой, по определению американского автора, «кровавые границы» [16, с. 462]. Взаимоотношения её с другими цивилизациями уже привели к цивилизационным войнам. Первой из них С. Хантингтон считает войну СССР в Афганистане, а второй – войну в Персидском заливе [16, с. 397 - 399]. Поэтому в новом мире ислам, скорее всего, будет выступать в роли общей угрозы, которая и сплотит остальной мир. В силу этого и по происхождению, и по логике проект мироустройства С. Хантингтона нужно определить как утопический.

Научный дискурс в работе С. Хантингтона практически не имеет выходов в философию и теологию. Цивилизация – это культурное единство высшего порядка. В современном мире он уверенно насчитывает 7 цивилизаций (синская, японская, индуистская, исламская, православная и западная) и одну считает возможной (африканскую) [16, с. 54 - 59]. Признаки цивилизационной принадлежности у него меняются. То он, вслед за А. Тойнби, утверждает, что определяющим признаком является религия, то к ней в духе Н. Данилевского добавляет язык [16, с. 80].

В рамках этого дискурса встречаются любопытные парадоксы. Определяя главный конфликт современности как межцивилизационный, С. Хантингтон тем не менее развивает точку зрения, которую можно определить как вульгарный марксизм. Он утверждает, что культуры следуют за властью, а сила

власти зависит от экономической мощи страны. Его высказывание по этому поводу афористично: «Культурное утверждение следует за материальным успехом; жесткая власть рождает мягкую власть» [16, с. 162].

Н. Данилевский определяющей характеристикой западной цивилизации считал насилие как результат чрезмерного развития индивидуализма [12, с. 216]. С. Хантингтон целиком с ним согласен: «Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но скорее превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт; жители не-Запада никогда этого не забудут» [16, с. 66].

Интересным, хотя и базирующемся на повседневном здравом смысле, является деление С. Хантингтоном всех стран мира на стержневые для цивилизаций, участницы, одиночки, расколотые и разорванные [16, с. 203-209]. Украина в этих координатах – расколота страна с двумя культурами. Но в случае её распада «...«Обрезок» униатской и прозападной Украины может стать жизнеспособным только при активной и серьезной поддержке Запада» [16, с. 258].

С. Хантингтон идею о столкновении цивилизаций, которая сама нуждается в доказательствах, считал достаточным основанием для выводов по множеству вопросов как текущей политики, так и проектов будущего. В сущности, он не останавливался перед псевдоимпликациями. Чтобы такие логические погрешности не выпирали из текста, он их заливал кремом риторики. Приведу как пример: «Политические принципы – слишком хлипкое основание, чтобы на нем строить прочное общество» [16, с. 505]. Афоризм сомнительный. Но если даже его принять, то разве из него следует, что «вопрос «На чьей вы стороне?» сменился более принципиальным: «Кто вы?» Каждая страна должна иметь ответ. Этот ответ, культурная идентичность страны, определяет её место в мировой политике, её друзей и врагов» [16, с. 186].

Думается, теперь у нас есть материал для вывода о наличии или отсутствии в цивилизационных исследованиях прогрессивного сдвига проблемы. Самый краткий и общий вывод может быть только негативным. Если к исследованию цивилизаций подойти как к исследовательской программе, то её твердое ядро является застойным, неразвивающимся. Нельзя же всерьез считать продвижением к научной истине такое высказывание С. Хантингтона: «Цивилизации представляют собой человеческие племена в предельной форме развития, и столкновение цивилизаций суть племенной конфликт в глобальном масштабе» [16, с. 323]. Сама идея цивилизации в момент возникновения предполагала её противопоставление тому миру, где главными социальными единицами являются племена. В работе же американского теоретика новый трайбализм наделяется воинственностью: «В мире, где культура важна, взводы – это племена и этнические группы, полки – это народы, а армии – это цивилизации» [16, с. 191]. Это всерьез писалось в то время, когда уже было осмыслено значение глобальных проблем, которые человечество может решить только коллективными усилиями, когда стало абсолютно ясно, что мы все – команда одного космического корабля.

За более чем полтора столетия менялась лишь периферийная часть цивилизационной программы, которая реагировала на запросы текущих геополитических задач. Сейчас для крупных игроков на геополитическом поле цивилизационная программа выступает обоснованием их претензий на гегемонию в определенной части земного шара. С. Хантингтон в этом отношении был вполне откровенным: «В мире сложится либо порядок цивилизаций, либо вообще никакого. В этом мире стержневые страны цивилизаций являются источником порядка внутри цивилизаций, а также влияют на установление порядка между цивилизациями путем переговоров с другими стержневыми государствами» [16, с. 239]. Для стран средних и малых вопрос о цивилизационном выборе – это часть поиска их правящими классами мощных покровителей, вопрос о вхождении в какие-то союзы.

Сказанным мы не отрицаем самой объективной реальности, которая обозначается понятием «цивилизация». Однако эта реальность представляет собой очень «рыхлые» культурные общности, которые возникли историческим путем. В цивилизациях воплощается культурное родство разной степени близости между народами. Но эти родственные связи не являются самыми сильными в современном мире. Мощь структурных связей в рамках мировой капиталистической системы значительно их превосходит. Даже культурные обмены направляются структурными особенностями этой системы. Поэтому, скажем, украинцы чаще смотрят американские фильмы, нежели сербские или болгарские. Хотя, попав в Болгарию, любой украинец ощутит, что повседневность этой страны ему понятнее и ближе, чем повседневность США.

Плоды цивилизационных исследований не совсем соответствуют критериям научности. Они похожи на произведения художественной литературы, несущие на себе отпечаток личности автора. Базовые положения цивилизационного подхода вряд ли могут быть фальсифицируемы. Что касается частных, то авторы цивилизационных исследований формулировали достаточно много предположений о будущем положении дел в мире. Большинство из них ходом истории были опровергнуты. Например, Н. Данилевский утверждал, что китайская цивилизация уже исчерпала потенциал своего развития и

застыла в «апатии самодовольства» [12, с. 131]. Мир не развивается и в соответствии с прогнозами С. Хантингтона. С горькой иронией можно цитировать его вывод, что «...если общность цивилизации имеет значение, то конфликт между русскими и украинцами мало вероятен» [16, с. 257].

Украинские реалии

В Украине на рубеже XX – XXI веков начала складываться оригинальная школа цивилизационного анализа [46]. Её представители фокусировались на изучении влияния глобализации на цивилизационные сообщества [47]. К сожалению, она просуществовала недолго из-за смерти наиболее ярких ее представителей. Значительное же число украинских ученых обыгрывали образ Украины как межцивилизационного «моста» [48]. Эта модная в своё время тема к значимым теоретическим или практическим достижениям не привела. С 2014 г. тематика работ по цивилизационной проблематике резко изменилась. Проблема цивилизационной принадлежности Украины начала рассматриваться в контексте российско-украинской «гибридной» войны [49; 50; 51].

Среди украинских социологов наиболее активным сторонником использования цивилизационного подхода для объяснения российско-украинского конфликта в Донбассе является Игорь Рущенко. В 2016 г. он сделал вывод: «Война продолжается, она приобретает глобальные и цивилизационные черты, Украина географически расположена на изломе миров, между западной и незападной цивилизациями» [52, с. 95]. Цивилизации и цивилизационные конфликты украинский ученый понимает в духе С. Хантингтона. Для него тоже «цивилизации являются высшей социальной единицей. Они не совпадают между собой в культурном и архетипическом измерениях народов и племен. Диалог между цивилизациями возможен, но он гораздо более сложен, чем согласование интересов, например работодателей и наемных работников, где присутствуют только экономические интересы. Относительно конфликта, который мы рассматриваем, пропасть заключается в архетипах коллективного бессознательного, символично-мифологической отрицательности, ментальной несовместимости, разницы мировоззренческих и идеологических установок двух социальных миров, которые исторически олицетворяли Киев и Москва; следовательно, имеем конфликт ценностей. Противоречия приобретают характеристики статического конфликта с отрицательной суммой (все в проигрыше). Статический конфликт может сохраняться сотни лет, потому что отсутствует естественная динамика, а искусственное решение вопроса путем геноцида или этноцида вражеского сообщества не идет на пользу агрессору» [53, с. 113].

Цивилизационное понимание российско-украинской войны у Игоря Рущенко не сводится к поиску четкой пространственной границы между российской (он ее считает «ордынской») и украинской (европейской) цивилизационными системами. В популяциях России и Украины, по его мнению, смешиваются представители обеих цивилизаций. «... И в украинском социуме, в т. ч. в украинском этносе, всегда были слои, преданные Москве и ордынской ментальности. Столкновение цивилизаций не может быть четко обозначено на карте, учитывая смешанный состав пограничных областей, личностный выбор, который включает как рациональную составляющую, так и неясную и мутную область индивидуального и социального бессознательного. Однако война и государственные границы являются тем моментом истины, когда теоретические дискуссии уступают место суровой реальности, и устанавливаются уже не ментальные, а физические пределы» [53, с. 114].

Эти сентенции позволяют сделать вывод, что цивилизационный подход к войне переводит понимание происходящих событий из политико-экономической сферы в сферы этнического бытия, культуры, ценностей. Тем самым народы как носители культур противопоставляются друг другу как непримиримые враги. В случае российско-украинской войны политические классы такой концепцией проводят четкие границы своего господства, отрывая народы друг от друга. Война становится вечной и может быть остановлена только через уничтожение одной из сторон противостояния. Исходя из бессмысленности подобной перспективы, можно считать, что такое понимание войны на Донбассе не может быть основой реальной политики, ибо для Украины такая линия поведения будет самоубийственной.

Цивилизационный подход к войне обладает крайне опасными репрессивными интенциями для внутренней жизни страны. На его основе очень легко начать искать «пятую колонну» и пытаться поставить ей «физические пределы». В её состав могут попасть все несогласные с идеологическими установками правящей фракции политического класса. Взгляд на войну как на цивилизационную предполагает мобилизацию населения на ценностной платформе. Для этого нужно, чтобы само население разделяло эти ценности и определяло их как основу при отторжении каких-то групп по принципу «Мы – не они». Происходит ли это во время конфликта на Донбассе? На этот вопрос коллектив кафедры философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко и попытался найти ответ в ходе реализации проекта «Массовое сознание в зоне военного конфликта на Донбассе».

Для определения отношения населения свободной территории Луганской области к Западу и России были выделены 12 показателей. Респонденты по принципу семантического дифференциала должны были выбрать позицию, которая отвечала их представлениям или чувствам. Три позиции (-1, -2, -

3) показывали силу негативных оценок; еще три позиции определяли силу позитивных оценок (+1, +2, +3); между ними находилась нейтральная позиция (0). В таблице 1 приводятся усредненные данные по четырем опросам. В этом случае шкала перекодирована в семизначную (1 – самая негативная оценка, 2 – средняя негативная оценка, 3 – слабая негативная оценка, 4 – нейтральная оценка, 5 – слабая позитивная оценка, 6 – средняя позитивная оценка и 7 – сильная позитивная оценка).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос «**Какие чувства и ассоциации у Вас вызывают западные страны, западная цивилизация (США, Европа, Канада) и какие Россия?»**» (в баллах; шкала: от 1 до 7)

Показатели оценки	Запад		Россия	
	Баллы	Стандартное отклонение	Баллы	Стандартное отклонение
сильная vs слабая	5,69	1,37689	5,69	1,47621
справедливая vs несправедливая	4,74	1,51236	4,12	1,79136
дружественная vs враждебная	4,73	1,47601	4,29	1,94507
щедрая vs скупая	4,61	1,48245	4,37	1,67632
законность vs беззаконие	5,09	1,60293	4,07	1,73521
здоровая vs больная	4,85	1,48608	4,49	1,65271
надежная vs ненадежная	4,50	1,52918	4,11	1,85389
богатая vs бедная	5,71	1,53053	5,40	1,56030
открытая vs закрытая	4,48	1,59716	4,59	1,71659
бескорыстная vs корыстолюбивая	3,55	1,66705	3,66	1,80116
духовная vs бездуховная	4,79	1,42608	4,77	1,62195
умная vs глупая	5,39	1,51661	5,23	1,55459

Как видим, восприятие населением объединенного Запада и России вовсе не строится по принципу «или, или». По большинству показателей оценки близки. Россия в глазах наших респондентов проигрывает Западу по показателю законности и в определенной мере – справедливости. Оценки и Запада, и России далеки от восторженности. Здесь красноречивым является признание обеих цивилизационных систем умеренно корыстными. Следует отметить, что показатели стандартного отклонения свидетельствуют о большем разбросе мнений по России, чей образ в нашем регионе за годы войны существенно проблематизировался.

Эти ориентации нашего населения отражаются и в представлениях о желательном курсе внешней политики Украины (табл.2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «**Какие Вы бы дали рекомендации Президенту Украины относительно внешней политики?»**» (в % к опрошенным)

N п/п	Желательный внешнеполитический курс Украины	Декабрь 2016 г.	Март 2017 г.	Февраль 2018 г.	Май 2018 г.
1	Добиваться нейтрального статуса, не входить в военные блоки	39	42	37	48
2	Добиваться вступления в Европейский Союз	12	13	19	16
3	Добиваться вступления в НАТО	6	4	4	6
4	Вернуться к идее вступления в Таможенный союз	11	16	13	10
5	Проводить политику стратегического партнерства с США	1	8	7	3
6	Пойти на уступки России и заключить союзный договор	20	8	15	11
7	Другой	7	7	4	6
8	Нет ответа	3	3	1	-
	Всего	100	100	100	100

Хотя единой позиции по вопросам внешней политики у нашего населения нет, но уверенной модой в четырех распределениях выступает нейтральный статус, внеблоковость. Эта позиция соответствует желанию не разделять цивилизации, а объединять лучшее в них.

Наши респонденты далеки от того, чтобы объяснять военный конфликт на Донбассе цивилизационными причинами (табл. 3).

Выводы

Войдя в язык социологии, понятие «цивилизация» осталось понятием с достаточно неопределенным смыслом. Оно несет в себе следы своей истории, включая в свой концепт и идею прогресса с его стадиями, и идею обособленных культурных ареалов. Это создает в рамках данного

концепта напруженість между универсализмом и партикуляризмом. Но это противоречие относится не к логическим, а к диалектическим.

Возможно, это противоречие могло бы быть стимулом для развития цивилизационного подхода как научной программы. Однако для этого нужна социологизация понятия «цивилизация», наполнение его концепта социологическим содержанием, включение этого понятия в язык академической социологии. В настоящий момент цивилизационный подход существует как межпредметной, в котором преобладает философский дискурс. В силу этого ядро данной исследовательской программы оказалось весьма застойным, а её периферия подвержена колебаниям идеологической атмосферы того или иного общества. За время своего существования цивилизационный подход не дал существенных результатов как в познании действительности, так и в общественной практике. В науке он в лучшем случае служил эстетической инспирацией познания, а в худшем – проводником идеологического давления на научное сообщество. История исследования цивилизаций – это серия авторских видений реальности. Здесь нет речи о повторяемости результатов и о фальсификации основополагающих допущений цивилизационного подхода.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как можно охарактеризовать события войны на Донбассе?»
(в % к опрошенным)

№ п/п	Варианты ответа	Декабрь 2016 г.	Март 2017 г.	Февраль 2018 г.	Май 2016 г.
1	Борьба США и России за сферы влияния	26	25	19	26
2	Гражданская война в Украине	18	27	25	27
3	Конфликт элитных групп, который вовремя не потушили, и он разгорелся в военный пожар	25	37	31	34
4	Борьба донбасского народа за независимость	17	16	15	7
5	Российско-украинская война	19	25	22	28
6	Борьба олигархов за прибыль и влияние в регионе	31	32	36	30
7	Кара Господня за грехи	5	6	7	7
8	Антитеррористическая операция с целью ликвидировать сепаратизм	17	9	10	8
9	Что еще	3	2	1	2

Примечание: респонденты имели право выбрать несколько вариантов ответов.

Распределение ответов на этот вопрос демонстрирует смятение умов на четвертом и пятом году войны. Но в любом случае оно не говорит в пользу убедительности для населения свободной территории Луганщины цивилизационного объяснения её природы.

Цивилизационное учение в идеологическом дискурсе выходит на первый план в периоды обострения международных конфликтов и воен. Оно выполняет функцию резервной программы мобилизации сторон конфликта, когда другие программы теряют свою убедительность для населения. В таком случае цивилизационное объяснение происходящего должно пробудить у воюющих сторон архаическое деление мира на «мы» и «они», причем «мы – не они». Для элитных групп мощных стран цивилизационный подход служит обоснованием претензий на доминирование в определенном геополитическом регионе. Для элитных групп слабых стран цивилизационный подход является средством обоснования поиска внешнеполитического патрона, включения в какие-то союзы.

В Украине со времени получения независимости цивилизационный подход воспринимался как программа поиска собственной коллективной идентичности, понимаемой как некие глубинные ментальные и эмоциональные диспозиции. С 2014 г. произошел резкий перелом цивилизационного дискурса. Под давлением факта российско-украинской войны и идеологических установок правящей фракции политического класса Украины наше научное сообщество переключилось на оперирование концептом «цивилизационная война». Он не позволяет выстроить реалистическую политику, переводя военный конфликт на Донбассе в разряд ценностного и неразрешимого. Цивилизационное определение войны не принимается населением в прифронтовой зоне и не может выступать средством его мобилизации в противостоянии с противником.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Виступ Президента України на зустрічі з Всеукраїнською радою церков. URL: <https://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-na-zustrichi-z-vseukrayinskoju-ra-35728> (дата звернення: 04.09.2018). 2. Еременко А. М. Размышления о луганской Вандее. Взгляд очевидца событий. Saarbrücken: Just a Life, 2015. 117 с. 3. Рущенко И. П. IV Мировая или первая гибридная межцивилизационная война? URL: <http://sprotyv.info/ru/news/kyiv/iv-mirovaya-ili-pervaya-gibridnaya-mezhcivilizatsionnaya-voyna> (дата обращения: 04.09.2018). 4. Пашковский П. И. Концептуальные основы политики России на постсоветском пространстве в 2000-е годы. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»*. Том 27 (66). 2014. № 1-2. С. 349-358. 5. Цымбурский В. Л. «Пока – не входит в мировое цивилизованное...». *Тетради по консерватизму*. 2015. №1. С. 37-40. 6. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/publication/Starie_publicacij_Polisa/C/1993-5-

Cimburskiy_Perspektivi_rossijskoj_geopolitiki.pdf (дата звернення: 04.09.2018). 7. Анин Р. Однажды в России. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/09/03/77683-odnazhdy-v-rossii?utm_source=push (дата звернення: 04.09.2018). 8. Шульга М. Геополітичні інтенції російських цивілізаційних концепцій. *Політичний менеджмент*. 2008. №5. С. 141 – 150. 9. Айзенштадт Ш. Н. Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность. *Thesis*. 1993. Вып. 2. С. 190 – 212. 10. Браславский Р. Г. Цивилизационная перспектива в социологическом анализе современных обществ. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. Том XV. №6. С. 30-49. 11. Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 386 с. 12. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с. (Серия: Русская цивилизация). 13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1. Гештальт и действительность / пер. с нем. Свасьян К. А. М.: Мысль, 1998. 663 с. 14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. Маханьков И. И. М.: Мысль, 1998. 606 с. 15. Тойнби А. Дж. Постижение истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Айрис-Пресс, 2010. 640 с. 16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 603 с. (Philosophy). 17. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М.: Книга по Требованию, 2016. 170 с. 18. Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis. Indianapolis: LibertyPress / Liberty Fund. 1979. 444 p. 19. Quigley C. Tragedy and Hope. A History the World in Our Time. New York, London: The Macmillan Company, 1966. 1348 p. 20. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / пер. с фр. Б. А. Ситников. М.: Весь мир, 2008. 552 с. 21. Донцов Д. Підстави нашої політики. Відень: Видавництво Донцових, 1921. 210 с. URL: <http://dontsov-nic.com.ua/wp-content/uploads/2016/01/Pidstavi-politici.pdf> (дата звернення 06.09.2018 р.). 22. Донцов Д. Дух нашої давнини. 2-е вид. Мюнхен; Монреаль: Б.В., 1951. URL: <http://diasporiana.org.ua/wp-content/uploads/books/3517/file.pdf> (дата звернення 06.09.2018 р.). 23. Історія соціології: навчальний посібник. За редакцією докт. соц. н., проф. І. П. Руценка. Харків: НТУ «ХП», 2017. 442 с. 24. Шкаратан О. И. Системы цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы. *Мир России*. 2010. №3. С. 23-45. 25. Българските национални ценности. Статика и динамика в евроинтеграционния процесу Съставител и отговорен редактор Кирил Керкиков. София: ИИОЗ-БАН, 2012. 374с. 26. Павленко Ю. В. Історія світової цивілізації. Соціокультурний розвиток людства: Вид. 3-е. К.: Либідь, 2001. 357 с. 27. Дроздов О. Ю. Основи психології масової геополітичної свідомості. Монографія. Чернігів: Видавництво «Десна Поліграф», 2016. 564 с. 28. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. URL: <https://scorcher.ru/art/theory/any/lacatosh.php> (дата звернення 07.09.2018 р.). 29. Кононов И. Ф. Теория массового сознания: возможности и ограничения в условиях неконвенциональной войны (по результатам исследований на свободной территории Луганской области). *Грані. Науково-теоретичний альманах*. 2018. Том 21. №5. С. 28 – 47. 30. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер с фр. под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 447 с. 31. Валіцький А. В. Полоні консервативної утопії. Структура і видозміни російського слов'янофільства. Пер. з польск. Володимир Моренець. К.: Основи, 1998. 710 с. 32. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. Полное собрание сочинений И.В. Киреевского в двух томах. Под редакцией М. Гершензона. Т. 1. М.: Типография Императорского Московского университета, 1911. С. 174-222. 33. Филлипс Л, Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. под ред. А. А. Киселевой. 2-е изд. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с. 34. Хомский Н. Избранное. Под редакцией Энтони Арноува; пер. с англ. Сергей Александровский, Вадим Глушаков. М.: Энциклопедия-ру; Харьков: Фолио, 2016. 720. 35. Костомаров М. І. Книги буття українського народу. Історія філософії України: хрестоматія; навчальний посібник / упоряд.: М. Ф. Тарасенко, М. Ю. Русин, А. К. Бичко та ін. К.: Либідь, 1993. С. 315-317. 36. Тесля А. Вариация на тему политической теологии: «Книга бытия украинского народа». *Социологическое обозрение*. 2015. Т.14. № 2. С. 82-106. 37. Данильченко-Данилевская В. Я. Семейная хроника рода Николая Яковлевича Данилевского. В кн.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 715 – 727. 38. Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. М.: ФИВ, 2015. 976 с. 39. Саїд Е. В. Орієнталізм / пер. з англ. В. Шовкун. К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2001. 511 с. 40. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / пер. с нем. Волен А. СПб.: Наука, 1993. 480. 41. Волков Ю. Г., Мостовая И. В. Социология: учебник для вузов / под ред. проф. В. И. Добренкова. М.: Гардарики, 1998. 244 с. 42. Достоевский Ф. М. Подросток. Роман в 3-х частях. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1983. 480 с. 43. Толстой А. Н. Граф Калиостро. Повести. К.: КМ-БУКС, 2017. 200 с. 44. Huntington S. P. The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. Vol. 72, No. 3 (Summer, 1993), Pp. 22-49. 45. Fukuyama F. The End of History? *The National Interest*. Summer 1989. URL: https://www.embl.de/aboutus/science_society/discussion/discussion_2006/ref1-22june06.pdf (дата звернення 07.09.2018 р.). 46. Пахомов Ю. Н., Крымский С. Б., Павленко Ю. В. и др. Цивилизационные модели современности и их исторические корни. Киев: Наукова думка, 2002. 632 с. 47. Павленко Ю. В. Глобалізація та цивілізаційні зрушення сьогодні. *Міжнародна економічна політика*. 2005. №1(2). С. 100-120. URL: <http://journals.uran.ua/jnep/article/view/27429/24623> (дата звернення 07.09.2018 р.). 48. Хімяк О. Цивілізаційна ідентифікація України. *Українська національна ідея: реалії та перспективи розвитку. Збірник наукових праць*. Випуск 26. Львів: Видавництво Львівської політехніки, 2014. С. 156 – 163. 49. Бабка В. Російсько-український конфлікт: цивілізаційні та меморіальні аспекти *Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса*. К., 2015. Вип. 1. С. 104-114. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nzpiend_2015_1_13. (дата звернення 07.09.2018 р.). 50. Залізник Л. Україна та Росія: війна цивілізацій. URL: <http://universum.lviv.ua/magazines/universum/2017/2/vij-cyv.html> (дата звернення 07.09.2018 р.). 51. Смола Л. Інструментарій цивілізаційної війни Росії проти України та засоби протидії. URL: http://www.r-studies.org/cms/index.php?action=news/view_details&news_id=35631&lang=ukr (дата звернення 07.09.2018 р.). 52. Руценка І. П., Руценка Ю. І. Гібридна агресія та громадянський спротив у Харкові 2014 р.: уроки першої фази російсько-української війни. *Український соціум*. 2016. №3(58). С. 88-99. 53. Руценка І. П. Конфлікти в зоні

АТО: зміст і методика виміру. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи»*. Вип. 37. Харків, 2016. С. 108-114.

Понятие цивилизации в научных, идеологических и повседневных дискурсивных практиках военного времени в Украине

В статье предпринят анализ понятия «цивилизация» в контексте современного языка социологии. Показано, что в настоящий момент это понятие не отличается четкостью своего концепта. Его история обусловила сохранение в его составе идеи линейного прогресса со свойственными ему этапами и идеи отдельных культурных ареалов. Диалектическое напряжение между универсализмом и партикуляризмом в концепте цивилизации пока не стало стимулом для развития теории цивилизации. Научная программа цивилизационного подхода является межпредметной. В ней преобладает философский дискурс. Недостаточная социологическая проработанность концепта цивилизации делает его малопродуктивным в научных исследованиях и общественной практике. В условиях международных кризисов и войн цивилизационный подход превращается в транслятора идеологических влияний на социологию. В Украине в настоящее время цивилизационный подход преимущественно используется сегодня в вариантах цивилизационной войны и цивилизационного выбора. Он не находит поддержки в массовом сознании и не может служить целям мобилизации населения для противостояния противнику.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационный подход, цивилизационная война, цивилизационный выбор, Н. Данилевский, С. Хантингтон, Запад, Украина, Россия, Донбасс

Отримано 9.09.2018